Воевать с немцем
потерять
1888
1 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
Ц520
В732

VYSCHNEGRADSKY-DOLGOROUKI.

Ц520
В732

ВОЕВАТЬ

съ

НѢМЦЕМЪ-ПОТЕРЯТЬ

МИНИСТРЪ

ВЫШНЕГРАДСКІЙ СЪ ДОЛГОРУКИМЪ

ПРОТИВЪ

КОНЦЕССІОНЕРА ФОНЪ ДЕРВИСА

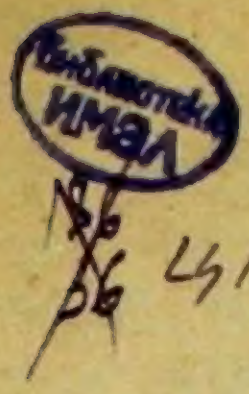
ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Библіотека
„Освобожденія"
№ Аа 480

GENÈVE
M. ELPIDINE, LIBRAIRE-ÉDITEUR
68, Rue du Rhône, 68
1888

LIBRAIRIE B. GENOA
MERNEX-MONTREUX

Ц620
В732



Ц10853,

ПИСЬМА КЪ ДРУГУ

Письмо первое.

Дорогой мой другъ. Вы желаете, чтобы я подробно и безпристрастно писалъ Вамъ за границу про все, что у насъ дѣлается теперь въ Петербургѣ, какъ мы встрѣтили новый годъ и каковы наши надежды на будущее. Я нахожу, что Ваши желанія очень сложны и обширны. Но время отъ времени я съ удовольствіемъ готовъ подѣлиться съ Вами, по крайней мѣрѣ о томъ, что особенно занимаетъ и волнуетъ теперь наше общество.

Главная „злоба дня“ у насъ, разумѣется, будущая война и внѣшняя политика. Всѣ мы ждемъ теперь этой войны. Но это не значитъ, чтобы у насъ желали ее, ни правительство, ни средніе классы, ни народъ, никто не желаетъ воевать съ нѣмцемъ, но всѣ чувствуютъ неизбѣжность и неотвра-

тимость этой войны. Конечно, намъ не мѣшало имѣть своею Болгарію, владѣть въ будущемъ проливами—что говорить? Каждый народъ, тѣмъ болѣе такой великій народъ, какъ русскій, естественно долженъ стремиться къ расширенію своего вліянія и проч. Но развѣ меньше желаютъ того же наши сосѣди? Во всякомъ случаѣ Россія столько же повинна въ воинственныхъ замыслахъ, какъ и Австрія, какъ и Германія, если не меньше. Кто здѣсь правъ и виноватъ, трудно разобрать, но одно очевидно, что безъ войны дѣло не обойдется, что все роковымъ образомъ направлено и неудержимо стремится къ кровавой развязкѣ. Но разъ война неотвратима и неизбѣжна, всѣмъ истиннымъ патріотамъ Россіи остается, пока есть еще время, позаботиться о томъ, чтобы съ честью и достоинствомъ выдержать эту войну. Наши враги создаютъ противъ насъ грозныя коалиціи, поспѣшно усиливаютъ свои и безъ того колоссальныя арміи; дѣлается ли у насъ что подобное? Къ счастію кое-что дѣлается. Русскому человѣку придаетъ не мало бодрости увѣренность, что въ роковой годъ — будетъ ли это 1888 или иной — Россія останется не безъ друзей. Въ прошлогоднемъ наслѣдствѣ слѣдуетъ отмѣнить то пріобрѣтеніе, которое возникло изъ взаимнаго обмѣна Россіи съ Франціей, такъ ясно убѣдившаго всѣхъ въ солидарности интересовъ двухъ великихъ народовъ Европы и укрѣпившаго между ними національныя симпатіи и уваженія. Можно сказать, что самое главное уже сдѣлано для Россіи и Франціи и на долю

будущаго осталось только закрѣпить существующую связь формальнымъ договоромъ,—и въ этомъ, къ счастію теперь у насъ никто не сомнѣвается.

Главная сила Россіи — войско, и къ этой силѣ всѣ мы относимся съ довѣріемъ, только бы генералы наши оказались на высотѣ задачи. Все это прекрасно, но всего этого еще недостаточно, особенно въ борьбѣ съ такимъ могучимъ врагомъ, какъ нѣмецъ. Это сознаютъ и наши военные спеціалисты, и наши администраторы и публицисты, когда одинъ изъ нихъ, полемизируя съ нѣмецкими газетами, посылаетъ по ихъ адресу внушительную угрозу, что въ трудную минуту, вмѣстѣ съ русскимъ воинствомъ положитъ животъ свой и 100 милліонный народъ нашъ, когда другой старается ободрить читателя насчетъ настоящаго нашего финансоваго положенія, указывая опять на тотъ же 100 милліонный народъ нашъ, на его жертвы послѣднимъ своимъ достояніемъ и проч.

Но дѣлается ли у насъ что либо для развитія болѣе устойчивыхъ и постоянныхъ силъ въ народѣ, чѣмъ этотъ необыкновенный подъемъ духа? Что мы сдѣлали и дѣлаемъ для умственнаго матерьяльнаго положенія этого 100 милліоннаго народа, который призываемъ принести въ жертву достояніе свое и животъ свой? Я, какъ патріотъ, также разсчитываю на этотъ необыкновенный подъемъ народнаго духа, и сознаю, что иначе дѣло было бы плохо, но вмѣстѣ также сознаю и то, что наши надежды на такой всенародный подъемъ, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ оказаться

значительно преувеличенными. Я нахожусь въ немаломъ, напримѣръ, недоумѣніи, когда подумаю, на чемъ же, на какихъ народныхъ струнахъ мы станемъ напѣвать свои патріотическія пѣсни, когда пробьетъ грозный часъ? Конечно, раздраженіе и гнѣвъ противъ нѣмцевъ, особенно когда они нападутъ на насъ, всегда найдутся въ народномъ обиходѣ, но вѣдь одного этого недостаточно. Когда мы воевали съ турками, дѣло обстояло проще: мы кричали этому народу, что басурмане обижаютъ нашихъ братьевъ христіанъ, и этого было достаточно для нашего добродушнаго и религіознаго народа. Но какой кличъ мы можетъ поднять на всю Русь православную, поднимая ее на нѣмца? Какіе въ народной психологіи и народномъ міровоззрѣніи найдемъ мы импульсы, которые всколыхнули бы его и подняли, какъ единаго человѣка, „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды?“ Я хочу сказать, что священною или религіозною эту войну теперь не сдѣлаешь, значитъ, и въ глазахъ народа она можетъ быть только войною за политическіе или экономическіе интересы, о сознаніи которыхъ именно теперь слѣдовало бы позаботиться. Но для такой задачи необходимъ прежде всего мирный подъемъ нашего народа, необходимо дать больше иниціативы нашимъ культурнымъ классамъ и побольше свободы нашей печати. Тогда, дѣйствительно, могло бы загорѣться дѣло живое, работа стала бы творческою и восточный вопросъ — дѣломъ общенароднымъ, даже, если хотите, и общеславянскимъ. Вы

помните прекрасную и убѣдительную постановку восточнаго вопроса, сдѣланную у насъ въ прошломъ году профессоромъ Ламанскимъ. Я не славянофилъ, но совершенно согласенъ съ почтеннымъ профессоромъ, что намъ особенно теперь необходимо прогрессивное развитіе, которое могло бы поднять на надлежащую высоту народное самосознаніе и привлечь къ себѣ полное довѣріе нашихъ естественныхъ союзниковъ — славянъ. Вѣдь никогда эти союзники и не подумали бы избѣгать насъ, если бы не боялись нашихъ деспотическихъ замашекъ. Я знаю, что Австрія, которая кой какія блага свободы обѣщаетъ западнымъ славянамъ въ настоящемъ, мало добраго сулитъ имъ въ будущемъ; если же когда славяне достигнутъ самостоятельнаго политическаго существованія, то только черезъ Россію и благодаря Россіи, какова бы она ни была въ настоящемъ. Такъ продолжаютъ, конечно, думать на западѣ наши неизмѣнные друзья, но большинство обыкновенно не заглядываетъ такъ далеко и руководится тѣмъ, что видитъ въ настоящую минуту, — въ этомъ прекрасно убѣждаютъ насъ болгарскія дѣла послѣднихъ лѣтъ. Но подаемъ ли мы въ настоящую минуту какія нибудь надежды на прогрессивное развитіе; соотвѣтствуетъ ли сколько нибудь наша внутренняя политика тѣмъ огромнымъ историческимъ задачамъ, которыя надвигаются на насъ и не сегодня-завтра потребуютъ крайняго напряженія всѣхъ силъ Россіи? Къ сожалѣнію, ничего такого не дѣлается у насъ и, даже, не предвидится въ ближайшемъ бу-

дущемъ. Одинъ только прошлый годъ оставилъ намъ такое наслѣдство, которое, кромѣ тревогъ, опасеній и недовѣрія едва ли можетъ внушить къ себѣ иныя чувства. У насъ теперь на все господствуетъ „національный“ взглядъ; о немъ кричатъ теперь на всѣхъ перекресткахъ — когда говорятъ о внѣшней и внутренней политикѣ, о національной наукѣ и проч. Но этотъ взглядъ немного, пожалуй, польстилъ во внѣшней политикѣ, способствуя нашему освобожденію изъ подъ опеки надъ нами Западной Европы, на все другое нагналъ только одного мраку, особенно въ нашей внутренней политикѣ. Прикрываясь этимъ взглядомъ наши охранители преслѣдуютъ самыя ретроградныя цѣли и съ фанатическимъ упорствомъ силятся повернуть Россію къ ея прошлому. Кажется, что мы какъ будто вновь переживаемъ то время, которое пережила Россія передъ Крымской войной. То же всеобщее недоразумѣніе обступило насъ со всѣхъ сторонъ и мы не только не идемъ на встрѣчу самымъ неотложнымъ и насущнымъ потребностямъ страны, — мы гонимъ ихъ отъ себя, какъ что-то несовмѣстимое съ нѣкоторыми другими цѣлями нашей жизни. Какъ и тогда, у насъ всецѣло поглощены теперь заботами объ усиленіи авторитета власти, какъ и тогда, съ крайнимъ подозрѣніемъ относятся ко всему, что кажется непріязненнымъ этому авторитету и не отступаютъ ни передъ какими мѣрами, чтобы ослабить и безъ того почти призрачную у насъ иниціативу личности, культурнаго класса и, даже, народной массы. Наша

печать, университеты и гимназіи, административныя учрежденія и проч.,—все приведено въ надлежащія нормы, съ полицейско-бюрократическимъ характеромъ. И день ото дня реакція все выше поднимаетъ свою голову. Вы, вѣроятно, еще не знаете, что надняхъ поданъ въ государственный совѣтъ проэктъ о преобразованіи нашихъ земскихъ учрежденій. Этимъ проэктомъ уничтожаются всѣ права, предоставленныя земскимъ учрежденіямъ положеніемъ 1864 года, самостоятельность распоряженій по предметамъ ихъ вѣдомствъ передается въ распоряженіе губернаторовъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть назначеніе предсѣдателей земствъ. Дальше этого, кажется, идти некуда. Пессимисты наши пророчатъ, что еще и не то будетъ, но я не знаю, что еще такое можетъ понадобиться нашимъ охранителямъ. Мнѣ кажется, что принципъ: „знай каждый сверчокъ свой шестокъ“, получилъ теперь самое полное осуществленіе. Все приведено въ стройный порядокъ, каждому указано свое мѣсто, кто что долженъ дѣлать, или ничего не дѣлать,—послѣднее также допускается господствующимъ принципомъ. И вотъ, всѣ мы тихо и смирно сидимъ по своимъ шесткамъ, или вѣрнѣе забившись по щелямъ того большаго дома, который зовется Россія. Но все таки, я думаю, наше общество не таково теперь, чтобы можно надолго было водворить въ немъ принципы, пригодные, дѣйствительно развѣ только для однихъ сверчковъ. Очень отрадное, напримѣръ, проявленіе обществен-

наго мнѣнія сказалось по отношенію къ студенческимъ волненіямъ.

Вы, конечно, уже знаете про эти волненія и я ихъ не буду описывать вамъ, но скажу только, что наше общество, обыкновенно сурово осуждавшее студентовъ въ такихъ случаяхъ, на этотъ разъ отнеслось къ нимъ сочувственно. Печать, за исключеніемъ двухъ-трехъ газетъ, безмолствовала или осторожно, на сколько позволяла цензура, высказалась за студентовъ. Вездѣ порицали новый уставъ и теперешніе университетскіе порядки; во всѣхъ мнѣніяхъ слышался одинъ голосъ, одно сознаніе о невозможности совмѣстить высшее образованіе, развитое чувство чести и достоинства съ преслѣдованіемъ узкихъ тенденцій школьническаго благочинія и порядка. Въ студенческихъ волненіяхъ, нужно Вамъ сказать, сказался протестъ не противъ только новаго устава и чиновной университетской администраціи, наша юная молодежь требовала уничтоженія вообще стѣснительныхъ мѣръ къ образованію въ странѣ. Даже наши студенты медики, которые смирно вели себя во время безпорядковъ, рѣшились попытаться добиться тѣхъ же цѣлей болѣе легальнымъ путемъ. Они составили петицію на Высочайшее имя, въ которой просили объ отмѣнѣ университетскаго устава 1884 года и прошлогоднихъ циркуляровъ министра народнаго просвѣщенія, закрывающихъ двери гимназій дѣтямъ недостаточныхъ классовъ. Петиція дошла до военнаго министра, гдѣ, разумѣется и застряла. Но всѣ эти факты рѣзко нарушили нашу

общественную идиллію и хорошо хотя то, что наши отцы были здѣсь на сторонѣ дѣтей.

Кстати о циркулярахъ. Наше общество до сихъ поръ не можетъ опомниться отъ нихъ. Обыкновенно пассивное ко всякимъ начинаніямъ правительства, оно встрѣтило эти циркуляры какъ горькую и незаслуженную обиду себѣ. По существующему у насъ обычаю, критическую оцѣнку правительственныхъ мѣропріятій можно видѣть только на страницахъ историческихъ журналовъ, т. е. когда и мѣропріятія эти и творцы ихъ становились добычею тлѣнья, но тутъ даже наша стѣсненная печать единодушно и очень опредѣленно высказалась противъ циркуляровъ. Поговаривали даже, что сами реформаторы наши немного смутились и прошелъ слухъ о контръ-циркулярахъ, разосланныхъ будто бы секретно попечителямъ учебныхъ округовъ, но циркуляры все таки дѣйствуютъ во всей своей силѣ, на зло несчастному обществу. Уже были случаи закрытія въ нѣкоторыхъ городахъ гимназій и во всѣхъ гимназіяхъ уничтожены параллельные классы. Я могу еще съ нѣкоторыми усиліями объяснить себѣ опасенія нашихъ охранителей, питаемыя ими къ среднимъ и высшимъ учебнымъ заведеніямъ, но никакъ не могу понять ихъ враждебности къ нашимъ болѣе чѣмъ скромнымъ народнымъ школамъ, возникшимъ въ эпоху реформъ прошлаго царствованія. Я также далекъ отъ того чтобы признать совершенство за народными школами, какъ онѣ создались у насъ въ 60-хъ и 70 годахъ общими усиліями самого

правительства и земства, но несомнѣнно, однако, что эти школы успѣли пріобрѣсти къ себѣ народныя симпатіи и не мало уже милліоновъ простыхъ людей, обязано было имъ грамотностью и кое какимъ развитіемъ. Не лучше ли было бы вмѣсто того, чтобы гасить этотъ свѣтъ, позаботиться о томъ, чтобы онъ равномѣрнѣе и ярче распространялся въ странѣ. Противники, обрекающіе на смерть уже создавшуюся народную школу и предложившіе взамѣнъ новый типъ церковно-приходской школы, никакой убѣдительной аргументаціи не даютъ въ защиту своего воззрѣнія, кромѣ общихъ фразъ, что церковно-приходская школа соотвѣтствуетъ будто бы болѣе православному духу народа, основнымъ устоямъ нашей государственности и т. п. Эти произвольныя воззрѣнія пріобрѣтаютъ все большую и большую практическую силу, такъ какъ во главѣ ихъ стоитъ всесильный у насъ теперь Побѣдоносцевъ, оберъ-прокуроръ Синода. Но кто знаетъ наше духовенство, въ руки котораго хотятъ отдать народное образованіе, кто знаетъ, какъ бѣдно. неразвито и корыстно это сословіе, для того не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что нашему народному образованію грозитъ тяжелое испытаніе.

Какъ видите, мой другъ, мы переживаемъ теперь время самаго рѣшительнаго и безграничнаго бюрократическаго произвола. Захотятъ уничтожить что либо, не укладывающееся въ измышленныя нормы — уничтожаютъ, будь это цѣлая свѣтлая полоса нашей жизни, какъ народныя школы и гим-

назіи; захотятъ ввести цѣлый рядъ стѣснительныхъ мѣръ и вводятъ; нужно обложить страну налогами —и это можно, уничтожить всякую тѣнь гласности и свободы въ печати, это легче всего. Но каково должно быть положеніе отдѣльной личности при столь безцеремонномъ и пренебрежительномъ обращеніи съ цѣлыми классами и учрежденіями? Такъ всего только на дняхъ весь Петербургъ говорилъ объ исторіи богача фонъ-Дервиза, исторіи, произведшей тѣмъ большую сенсацію, что въ ней некрасивую роль играли нѣкоторыя наши правительственныя особы. Обладатель почти двадцати-милліоннаго состоянія г. фонъ-Дервизъ явился соискателемъ на концессію по постройкѣ Персидской желѣзной дороги. Такъ какъ у министра Вышнеградскаго и нашего посланника въ Персіи князя Долгорукова была подготовлена уже своя компанія, которой они имѣли интересъ сдать постройку Персидской дороги, то, конечно, появленіе такого сильнаго конкурента, какъ фонъ-Дервизъ было крайне нежелательно для нихъ. И вотъ, не зная какъ отдѣлаться отъ этого конкурента, они устраиваютъ цѣлый заговоръ, привлекая сюда министра юстиціи Манассеина и дядю молодаго богача, который изъ ненависти къ своему племяннику и разныхъ видовъ на его богатство, взялся передъ особами повести интригу отъ своего лица. Въ сильныхъ рукахъ интрига пошла такъ удачно, что въ одинъ прекрасный день, безъ всякаго юридическаго повода, неожиданно объявляютъ молодому фонъ-Дервизу высочайше утвержденное по-

становленіе комитета министровъ о назначеніи надъ нимъ личной и имущественной опеки. Окольными только путями удалось г. фонъ-Дервизу съ матерью подать прошеніе на Высочайшее имя и Государь, узнавъ такимъ образомъ часть правды объ интригѣ, говорятъ, крайне возмущенный, велѣлъ министрамъ снова пересмотрѣть все дѣло; и о! наша поруганная гласность, и несчастная печать! только въ отдѣлѣ городскихъ слуховъ и сплетенъ могла она посвятить, конечно, безъ намека на имена, нѣсколько строкъ странному положенію, въ которомъ оказался одинъ загадочный молодой богачъ...

Можете себѣ представить, какъ безпомощны тѣ, у кого нѣтъ ни милліоновъ, ни связей, а, слѣдовательно, и путей, чтобы довести что либо до свѣдѣнія Государя! Я не стану здѣсь поднимать извѣстной исторіи заключеній, административныхъ ссылокъ и пр., гдѣ жертвою нерѣдко бывали личности совсѣмъ неповинныя и лишенныя всякой возможности оправдаться, но раньше все таки это преслѣдованіе имѣло въ виду только дѣйствительныхъ или заподозрѣнныхъ послѣдователей революціи. Теперь преслѣдованію подвергается всякая прогрессивная мысль или даже иногда просто нежеланіе человѣка поступиться своими хотя и скромными убѣжденіями, въ пользу завѣдомо-оффиціальной лжи. Достаточно, напримѣръ, не согласиться съ тѣмъ, что Катковъ былъ непогрѣшимый человѣкъ и великій патріотъ, чтобы попасть въ немилость. Вы слышали, конечно, о профессорѣ Мил-

лерѣ, этомъ предобрѣйшемъ и благонадежнѣйшемъ человѣкѣ въ мірѣ. Я не особенно высокаго мнѣнія о талантахъ этого профессора-публициста: у него нѣтъ своей оригинальной физіономіи. Всегда обыкновенно видишь его вращающимся вокругъ какого либо свѣтила, то около Достоевскаго, то около Аксакова или участвующимъ въ маленькомъ хорѣ скромныхъ либераловъ „Вѣстника Европы“ и столь же скромныхъ славянофиловъ нашего „Славянскаго Общества“. Мнѣ не разъ приходилось быть на публичныхъ чтеніяхъ профессора и всегда, слушая его бойкое и веселое воркованіе, глядя на его ласковую добродушную фигуру, я невольно и съ улыбкой говорилъ себѣ: вотъ чижикъ, настоящій чижикъ! Да не посѣтуетъ на меня почтенный профессоръ, если услышитъ гдѣ, что его называютъ чижикомъ. Вѣдь сказалъ же даже самъ Щедринъ о себѣ въ одной изъ своихъ сатиръ, обращаясь къ ястребамъ, проглотившимъ „Отечественныя Записки“ — „чему радуетесь, господа? Чижика то съѣли!“ Что же, по моему, чижикъ хотя и не соловей, но птица хорошая и поетъ она свои весеннія пѣсни на просторѣ природы, радуясь солнышку, теплу и воздуху... И такъ, почтенный профессоръ нашъ имѣлъ особую склонность покружиться около какого нибудь свѣтила. Послѣднимъ же свѣтиломъ у насъ оффиціально былъ объявленъ Михаилъ Никифоровичъ Катковъ. Представьте же положеніе нашего профессора: въ качествѣ планеты и притомъ оратора, который сказалъ уже ,обществу 1000 и одну рѣчь, онъ дол-

женъ былъ занять то или иное положеніе къ новоявленному свѣтилу. Говорятъ, онъ сказалъ рѣчь, скромную и сдержанную, какъ и все сказанное когда либо профессоромъ. Но за непризнаніе въ этой рѣчи Каткова свѣтиломъ, онъ, во первыхъ, больше не профессоръ, а, во вторыхъ, какъ попавшій въ неблагонадежные, онъ, вѣроятно, лишенъ будетъ возможности произносить въ другой разъ публичныя рѣчи.

Можно подумать, что наша національная политика какъ будто и вправду начертала на своемъ знамени извѣстную исторически сложившуюся ненависть, а также подозрительность нашего мужика къ „господамъ“, которымъ теперь приходится плохо, за исключеніемъ продажныхъ или безличныхъ. Но въ этой quasi-народной политикѣ только и есть всего народнаго что эта подозрительность и ненависть, которыя, кстати сказать, другимъ своимъ концомъ еще больнѣе бьютъ по тому же мужику. Достаточно припомнить здѣсь одинъ фактъ присужденія нынѣшнимъ лѣтомъ къ смертной казни четырнадцати крестьянъ за убійство поляка управляющаго однимъ частнымъ имѣніемъ, разорявшаго сосѣдей крестьянъ. Нѣтъ, никого не обманетъ эта политика жестокости и бездушія, какъ бы она сама не величала себя, въ какія бы громкія фразы о православіи, патріотизмѣ и пр. она не рядилась. Тѣмъ болѣе, когда фразы эти выкрикиваютъ такіе завѣдомые ханжы, какъ Побѣдоносцевъ и такіе прелюбодѣи, какъ редакторъ „Гражданина“ кн. Мещерскій. Но есть здѣсь одно дѣйствительно

тяжкое недоразумѣніе. Общество наше относится къ личнымъ добродѣтелямъ Государя съ глубокимъ уваженіемъ. Оно знаетъ, что не разъ правда доходила до него и тогда справедливость торжествовала, если окружавшимъ Его мистификаторамъ не удавалось затемнить или исказить ее. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти мистификаторы успѣваютъ убѣдить Государя, что карающая десница направлена только противъ явно революціоннаго элемента, на культурные классы а народъ благоденствуетъ подъ Его сѣнію въ мирномъ житіи. Несомнѣнно также, что далеко не въ истинномъ свѣтѣ представляютъ ему экономическое положеніе народа (вѣдь съумѣлъ же г. Вышнеградскій представить дутый всеподданнѣйшій докладъ о состояніи финансовъ и удостоиться довѣрія); ничего, конечно, неизвѣстно о неотложныхъ нуждахъ народа, объ административномъ произволѣ и другихъ прелестяхъ нашей жизни. Но Богъ вѣсть, что изъ всего этого произойдетъ? Достигнетъ ли реакція своей непосредственной цѣли,—уничтожитъ ли она хотя и не значительную, но доставляющую столько безпокойствъ у насъ революціонную партію? Оправдается ли пущенная полнымъ ходомъ система устрашенія общества въ видахъ „пресѣченія корней и нитей зловреднаго направленія“. Исторія даетъ не мало примѣровъ тому, что система устрашенія обыкновенно приводитъ къ результатамъ совершено противуположнымъ. Нынѣ же реакція вноситъ только деморализацію въ нашу жизнь, повсюду распространяетъ взаимное не-

довѣріе и враждебность, поселяетъ общественную апатію и праздность. Такое состояніе общественной жизни на руку развѣ только нашимъ врагамъ, которые съ злорадствомъ смотрятъ на это совершающееся самоубійство. Но не грозитъ ли намъ повтореніе Крымской войны со всѣми ея послѣдствіями: позорнымъ униженіемъ передъ Западной Европой и позднимъ сознаніемъ о своихъ недостаткахъ у себя дома? Не даромъ же въ послѣдней своей рѣчи и Бисмаркъ въ неуловимо льстивыхъ словахъ, къ вящему торжеству надъ нами нѣмца, поощряетъ это наше спаденіе внизъ по наклонной плоскости, но я только сейчасъ прочиталъ политическую рѣчь хитраго канцлера и откладываю разговоръ о ней до слѣдующаго письма.

410853.

Библиотека ИМЭЛ

LESEVEREIN
НАШИХЪ
M. E. Saltykoff
BERN